

В ФЕ могут наблюдаться и лишь прямые количественные значения, передаваемые числительными. Ср., например, фразеологизмы *конь о четырех ногах, да и тот спотыкается* [2, с. 295], *между четырех глаз* [10, с. 102]; *как дважды два четыре* [10, с. 129], *восьмое чудо света* [11, с. 590]. Однако в некоторых случаях конкретная количественная семантика, изначально присущая числовому компоненту, утрачивается. Ср., например, ФЕ *сорок одно с кисточкой, тридцать серебряников* [1, с. 361-362], *как на одиннадцатом номере* [11, с. 334], *делать поворот на сто восемьдесят градусов* [11, с. 145], *пятьсот веселый* [11, с. 442-443], *опять двадцать пять* [10, с. 297], *кругом шестнадцать* [11, с. 82], значение которых с идеей количества не соотносится.

Проведенный анализ показал языковую реализацию числительных в составе ФЕ. Числительные, выступая компонентами фразеологизмов, приносят в целостное значение единиц семы 'неопределённо-большого', 'неопределённо-малого' количества или указывают на 'отсутствие чего-либо' и вследствие этого придают ФЕ экспрессивность. Количественное значение, выражаемое числительными, может переходить и в качественное, передавая при этом экспрессивность, интенсивность, оценочность – различные коннотативные оттенки. Отдельные числительные способны десемантизироваться и утрачивать числовое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М.: ООО "Издательство ЭЛПИС", 2008. – 472 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-эти-

мологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-пресс, 2001. – 704 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская АН.; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.

4. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля / В.И. Даль. – В 3 т. – Т. 1. – М.: Русская книга, 2005. – 640 с.

5. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля / В.И. Даль. – В 3 т. – Т. 2. – М.: Русская книга, 2005. – 704 с.

6. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля / В.И. Даль. – В 3 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 2005. – 736 с.

7. Супрун А.Е. О фразеологических единицах с числительными / А.Е. Супрун // Вопросы фразеологии. – Ташкент: Наука, УзССР, 1965. – С. 79 – 85.

8. Фразеологический словарь современного русского языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. – Т. 1. – 831 с.

9. Фразеологический словарь современного русского языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. – Т. 2. – 830 с.

10. Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: «Советская энциклопедия», 1968. – 543 с.

11. Фразеологический словарь русского языка конца VIII-XX вв. / Под ред. А.И. Фёдорова. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.

12. Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Зимин В.И. Фразеологические обороты русского языка / Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова, В.И. Зимин. – М.: Рус. яз., 1988. – 389 с.

УДК 811.161.1'42

М.П. Дидоренко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» И «ОТСТРАНЕНИЕ» В ЛИРИКЕ С. КЛЫЧКОВА И С. ЕСЕНИНА

Дидоренко М.П.

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ ЛЕКСИЧНИХ ПАРАДИГМ «ВЗАЄМОДІЯ» ТА «ВІДСТОРОНЕННЯ» В ЛІРИЦІ С. КЛИЧКОВА ТА С. ЄСЕНІНА

У статті зіставляється лексика поезії С. Кличкова і С. Єсеніна, об'єднана в парадигми ВЗАЄМОДІЯ і ВІДСТОРОНЕННЯ, розглядається система підпарадігм всередині кожної з них, зроблено висновок про ступінь представленості категорій ВЗАЄМОДІЯ і ВІДСТОРОНЕННЯ в художньому світі поетів.

Ключові слова: лексика, парадигма, С. Кличков, С. Єсенін, взаємодія, відсторонення.

Дидоренко М.П.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ» И «ОТСТРАНЕНИЕ» В ЛИРИКЕ С. КЛЫЧКОВА И С. ЕСЕНИНА

В статье сопоставляется лексика поэзии С. Клычкова и С. Есенина, объединенная в парадигмы ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ и ОТСТРАНЕНИЕ, рассматривается система подпарадигм внутри каждой из них, сделан вывод о степени представленности категорий ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОТСТРАНЕНИЕ в художественном мире поэтов.

Ключевые слова: лексика, парадигма, С. Клычков, С. Есенин, взаимодействие, отстранение.

Didorenko M.P.

COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL PARADIGM “INTERACTION” AND “ESTRANGEMENT” IN THE LYRICS OF S.KLYCHKOV AND S.ESENIN

The article compared the lexis of poetry S. Klychkov and S. Esenin, united in the paradigm of INTERACTION and ESTRANGEMENT, consider a system of underparadigm within each of them, concluded about the level of representation of categories INTERACTION and ESTRANGEMENT in the art world of poets

Keywords: lexis, paradigm, S. Klychkov, S. Esenin, interaction, estrangement..

Парадигматический анализ позволяет не только изучать лексику отдельных идиостилей, но и сопоставлять лексические системы разных поэтов. Основанием для сопоставления идиостилей С. Есенина и С. Клычкова является совпадение их творчества во времени, сходство проблематики и достаточно тесные творческие контакты. Предметом исследования в данной статье являются лексемы, образующие парадигмы, которые определяют общие понятия *отстранение* и *взаимодействие*. Парадигмы слов (языковых единиц) формируются на основании неязыковых признаков: понятий, образов или эмоций. Процесс образования данных парадигматических структур на неязыковом (образно-понятийном) уровне, установление связей между соответствующими «предметными» образами с функциональной точки зрения рассматривается как процесс понимания текста реципиентом (см. труды Н.А. Рубакина, М.Н. Правдина, психолингвистические исследования). Реципиент, воспринимая форму текста, переходит от синтагматически связанных слов текста к парадигматическим структурам, в которых слова, наряду с возбуждением «предметных» образов, выступают в роли определений мыслительных единиц – понятий. Понимание текста, т.е. его парадигматическое переструктурирование, вариативно и определяется как особенностями воспринимающего, так и особенностями организации формы текста [5]. Рассматриваемый ниже вариант парадигматической организации лексики соответствует одному из вариантов интерпретации рассматриваемых произведений (вариантов установления связей между единицами текста на образно-понятийном уровне) и не исключает других вариантов.

Понятия *взаимодействие* и *отстранение*, рассматриваемые в данной статье как интегральные признаки парадигматических систем лексики, являются существенными для понимания мировоззрения двух авторов. *Взаимодействие* определяет

ся как процесс воздействия объектов друг на друга, а *отстранение* – как противоположный процесс. Частными проявлениями данных общих понятий в исследуемом материале являются понятия, названные в статье мотивами в лирике двух поэтов. Они соответственно представляют подпарадигмы указанных парадигм:

парадигма Взаимодействие: подпарадигма Взаимодействие лирического героя с одушевленными природными объектами, подпарадигма Взаимодействие лирического героя и других людей (персонажей лирических произведений помимо лирического героя), частным проявлением этой подпарадигмы являются, в том числе, более частные парадигмы Встреча с возлюбленной, Взаимоотношения лирического героя с возлюбленной, подпарадигма Взаимодействие других людей между собой, подпарадигма Взаимодействие одушевленных природных объектов между собой;

парадигма Отстранение: подпарадигма Разлука (Расставание с миром людей (как общностью) или с возлюбленной, соотносится с мотивом одиночества), подпарадигма Смерть (расставание с жизнью), подпарадигма Странничество (расставание с родным домом).

Явление одиночества, отчуждения лирического героя в лирике С. Есенина и С. Клычкова исследовалось в работах М.Ю. Жилиной [1], [2] (рассматривалось развитие образа лирического героя Есенина как «эволюция от стихийного, лично не явленного певца, до образа поэта, несущего черты «солнечной избранности» и вселенского одиночества»), в работах Ю.А. Изумрудова [3] и А. Радашкевич [4] (анализировалась странническая ипостась лирического героя Клычкова и тема смерти в его поэтическом мире). Однако данное явление не рассматривалось в связи с более широким явлением *отстранение*, характеризующим не только лирического героя, но и другие объекты текстового пространства. Кроме того,

не исследовалась антонимическая парадигма – Взаимодействие, а также **степень представленности** этих парадигм не только количественная, но и как содержательная категория. Предложенный в статье анализ поможет воссоздать образ лирического героя Есенина и Клычкова.

Цель данной статьи – сопоставить антонимические парадигмы Взаимодействие и Отстранение в лирике двух поэтов, исследовав специфику их состава, содержательных функций и связей с другими парадигмами.

Рассмотрим парадигму Взаимодействие. Содержательные функции этой парадигмы заключаются в том, что она порождает в стихотворениях мотивы встречи, взаимоотношений лирического героя с возлюбленной, с одушевлённой природой, с другими людьми, а также взаимоотношений одушевлённых (чаще природных) объектов между собой и других людей между собой. Количественный и содержательный состав парадигмы Взаимодействие в лирике Клычкова примерно в 4 раза меньше, чем в лирике Есенина, структурно же парадигма состоит из подпарадигм, представляющих те темы, мотивы, которые были описаны выше. При этом в лирике Есенина эти подпарадигмы представлены примерно в одинаковом соотношении, а в лирике Клычкова количественно преобладает парадигма Взаимоотношения лирического героя и одушевлённых объектов. Ср., у Клычкова:

- прянет ветер... нежно глядя мокрой ладонью мне лицо

(лир. герой + одуш. ветер)

- месяц, месяц... вместе выйдем на село

(лир. герой + одуш. месяц)

- волны, волны, где вы были, где, кого встречали...

(лир. герой + одуш. море)

- вышла Лада на крылечко, уронила перстенёк... - Покатись-катись колечко... ты сестричку разбуди... к морю синему сведи!

(лир. герой + одуш. кольцо)

Для стихотворений Есенина также характерно взаимодействие лирического героя и одушевлённой природы, однако не менее частотны в поэтическом мире Есенина взаимодействия других людей между собой, других людей с одушевлёнными природными объектами, а также одушевлённых природных объектов между собой:

- кленёночек маленький матке зелёное вымя сосёт

(одуш. дерево + одуш. дерево)

- зима... мохнатый лес баюкает

(одуш. зима + одуш. лес)

- дымом половодье залило ил

(одуш. водоём + одуш. прибрежная часть водоёма)

- месяц в облачном тумане водит с туча-

ми игру

(одуш. месяц + одуш. тучи)

- колокол дремавший разбудил поля

(одуш. колокол + одуш. поля)

- улыбнулась солнцу сонная земля

(одуш. солнце + одуш. земля)

- схимник-ветер... мнёт листву... и целует на рябиновом кусту язвы красные незримо Христу

(одуш. ветер + одуш. куст)

- лижут сумерки золото солнца

(одуш. сумерки + одуш. солнце)

- глухо баюкают хлюпья камыши

(одуш. камыши + одуш. вода)

- увидел дед нищего дорогой... подошёл... и сказал протягивая руку: ...

(другие люди между собой)

- по селу... рекрута ходили... девки брякали им бусами, зазывали за село... им смеялась роца зыками

(другие люди между собой, другие люди + одуш. роца)

- что под вечер путнику нашептал ковыль

(другие люди + одуш. трава)

- говорили промеж мужики: ...

(другие люди между собой)

- слушают сказ старика косари

(другие люди между собой)

Особенности связей с другими парадигмами заключаются в том, что парадигма Взаимодействие (в тех случаях, когда она представляет основную тему в стихотворении, например, тему встречи лирического героя с возлюбленной) в лирике Клычкова связана с антонимической парадигмой Отстранение (поскольку лирический герой ведёт себя дистанцированно в этих взаимоотношениях и проявляет настроение ожидания). У Есенина же парадигма Взаимодействие не только не связывается с антонимической парадигмой, но и включает слова, выражающие повышенную экспрессивность, характеризующие отношения с возлюбленной как гораздо более близкие, чем в произведениях Клычкова. Ср.:

у Есенина:

- сядем в копны свежие... зацелую допьяна, изомну как цвет

- сорву твою фату... уведу тебя под склоны вплоть до маковой зари

У Клычкова:

- прихожу к невесте... заиграю ль в гусли под окном у ивы

- месяц, месяц... вместе выйдем на село... - постучися у крылечка, глянь на милую мою, я же у церкви недалечко в тёмных липах постою

Таким образом, сравнив парадигмы Взаимодействие в лирике Есенина и Клычкова по указанным параметрам, можно сделать вывод, что степень представленности данной парадигмы в лири-

ке Клычкова значительно меньше: количественный состав примерно в 4 раза меньше; отсутствует разнобразие составляющих её подпарадигм (наиболее частотная подпарадигма – Взаимодействие лирического героя и одушевлённой природы); в тех стихотворениях, где эта парадигма играет ведущую роль, она связывается (и этим ослабляется) с антонимической парадигмой Отстранение.

Рассмотрим парадигму Отстранение с точки зрения её содержательных функций, специфики состава и связей с другими парадигмами.

Содержательные функции этой парадигмы заключаются в том, что она формирует мотивы разлуки как с людьми вообще, с людьми как с общностью, так и с отдельным человеком, например, с возлюбленной, а также соотносится с мотивами одиночества, смерти и странничества. Количественный состав парадигмы Отстранение у Клычкова в 4 раза больше, чем у Есенина, и состоит из подпарадигм Разлука, Смерть и Странничество. В лирике Клычкова эти подпарадигмы представлены примерно одинаково, а в лирике Есенина количественно преобладает парадигма Смерть. Особенности состава и связей названных подпарадигм с другими парадигмами у поэтов заключаются в следующем:

1) Разлука (расставание)

а) Лирический герой Есенина, как правило, не выступает инициатором расставания.

Ср., у Есенина:

В тоске по гречневым просторам./ Покину хижину мою, ... И друг любимый на меня/ Наточит нож за голенище. ... И та, чье имя берегу./ Меня прогонит от порога («Устал я жить в родном краю...» 1916).

У Клычкова:

Осенний день прозрачно стынет./ Звеня охотничьей трубой.../ Прощаюсь я с весною синей./ С тобой и с далью голубой... («Осенний день прозрачно стынет...» <1922-1927>).

Я устал от хулы и коварства/ Головой колотиться в бреду./ Скоро я в заплотинное царство./ Никому не сказавшись, уйду... («Я устал от хулы и коварства...» <1928-1929>).

б) Разлуке у Есенина противопоставляется воспоминание о любимой, о встрече и даже ощущение взаимоотношений с ней в настоящем (парадигма Отстранение связывается (и этим ослабляется) с парадигмой Взаимодействие).

Ср., у Есенина:

Со снопом волос твоих овсяных/ Отоснилась ты мне навсегда. ... С алым соком ягоды на коже./ Нежная, красивая, была ... В тихий час, когда заря на крыше, ... Говор кроткий о тебе я слышу («Не бродить, не мять в кустах багряных...» 1916).

У Клычкова:

Ушла любовь с лицом пригожим./ С потуп-

ленной улыбкой глаз,—/ Ты прожила, и я жизнь прожил./ И не для нас вверху луна зажглась. («Ушла любовь с лицом пригожим...» <1929>).

2) Странничество

а) У героя Есенина странничество только предполагается, высказывается только как намерение (выражено глаголами в будущем времени или в третьем лице), у героя Клычкова оно существует реально, в настоящем времени.

Ср., у Есенина:

Пойду в скуфье смиренным иноком ... Счастлив, кто жизнь свою украсил/ Бродяжной палкой и сумой. («Пойду в скуфье смиренным иноком...» 1914).

Устал я жить в родном краю ... Покину хижину мою./ Уйду бродягою и вором («Устал я жить в родном краю...» 1916).

У Клычкова:

Я от окна бреду с клюкою ... До срока меж людей я, нищий./ Иду, как меж могильных плит... («Я от окна бреду с клюкою...» <1922>).

Идешь, идешь и только целый день/ Ячмень и рожь пугливо зыбют тень («Куда ни глянь...» <1922, 1927>).

Иду в поля за Божьей данью/ На голоса привольных птиц («Иду в поля за Божьей данью...» <1922>).

б) Парадигма Странничество, как правило, у Клычкова связана (и тем самым усилена степень представленности парадигмы Отстранение) с парадигмами Расставание и Смерть.

Ср., у Клычкова:

Юность, юность! Залётная птица!/ Аль уж бороду мне отпустить?/ Аль уйти и ни с кем не проститься./ Оглянуться с пути и простить?/ И страшусь я, и жду сам развязки.../ И беглец я, и... скорый гонец!/ Так у самой затейливой сказки/ Нехороший бывает конец... («Если б жил я теперь не за Пресней...» <1927>).

Ой, хорошо в привольи и безлюдьи/ Без боли мир оглянуть и вздохнуть/ И хорошо уйти - уйти в безвестный путь ... И словно облаку закату доцвесть./ Страхнув с крыла последний луч с любовью... («Куда ни глянь...» <1922, 1927>).

У Есенина странничество не только лишь предполагается, но и связывается с парадигмой Взаимодействие (существует взаимодействие с людьми):

Пойду в скуфье смиренным иноком ... Хочу концы земли измерить, ... И в счастье ближнего поверить ... Сгребая сено на покосах./ Поют мне песни косари. («Пойду в скуфье смиренным иноком...» 1914).

3) Смерть

а) У героя Есенина смерть не является препятствием для взаимодействия. Таким образом, парадигме Смерть у Есенина противопоставляется парадигма Взаимодействие, а также парадигма

Жизнь, которая в есенинском творчестве предполагает различные взаимоотношения и потому также входит в состав общей парадигмы Взаимодействие. Рассмотрим несколько примеров.

У Есенина («Подражанье песне» 1910):

В пряхе солнечных дней время выткало нить./ Мимо окон тебя понесли хоронить./ И под плач панихид, под кадилый канон./ Все мне чудился тихий раскованный звон.

Говоря о смерти девушки, герой, как бы не соглашаясь с общим прощальным настроением, намекает на то, что продолжает чувствовать с ней связь: *И под плач панихид, под кадилый канон./ Всё мне чудился тихий раскованный звон.*

(«Ещё не высох дождь вчерашний...» 1916):

И если смерть по Божьей воле/ Смежит глаза твои рукой./ Клянусь, что тенью в чистом поле/ Пойду за смертью и тобой.

Т.е. даже предполагаемая смерть не станет для героя причиной разлуки.

(«Мы теперь уходим понемногу...» 1924):

Слишком я любил на этом свете/ Все, что душу облакает в плоть. ... Счастлив тем, что целовал я женщин./ Мял цветы, валялся на траве, ... Знаю я, что в той стране не будет/ Этих нив, златящихся во мгле./ Оттого и дороги мне люди./ Что живут со мною на земле. Теме смерти противопоставляется тема жизни.

(«Не жалею, не зову, не плачу...» 1921):

О, моя утраченная свежесть./ Буйство глаз и половодье чувств ... Будь же ты вовек благословенно./ Что пришло процветать и умереть.

Смерти противопоставляется память о жизни, предполагающей взаимодействие с окружающей природой и людьми: «*.Буйство глаз и половодье чувств.*»).

И даже в стихотворении «Устал я жить в родном краю...» 1916:

Устал я жить в родном краю ... Уйду бродягою и вором. ... И та, чье имя берегу./ Меня прогонит от порога. ... Седые вербы у плетня/ Нежнее головы наклонят./ И необмытого меня/ Под лай собачий похоронят, где парадигма Отстранение усилена одновременным присутствием парадигм Странничество, Разлука и Смерть – в то же время противопоставлена парадигме Жизнь в последнем четверостишии (*месяц будет плыть; Русь... будет жить*): *А месяц будет плыть и плыть./ Роняя весла по озерам.../ И Русь все так же будет жить./ Плясать и плакать у забора.*

б) Если для Есенина характерно противопоставление парадигме Смерть парадигмы Жизнь или же она ослаблена за счёт присутствия парадигмы Взаимодействие (смерть – не препятствие), то для Клычкова характерно увеличение степени представленности парадигмы Смерть за счёт од-

новременного присутствия нескольких подпарадигм общей парадигмы Отстранение: Смерть, Странничество и Расставание (см. в стихотворениях «Если б жил я теперь не за Пресней...» <1927>, «Осенний день прозрачно стынет...» <1922-1927>, «Куда ни глянь...» <1922, 1927>, «Я устал от хулы и коварства...» <1928-1929>, «Мне не уйти из круга...» <1929> и др.).

Таким образом, по сравнению с Есениным степень представленности парадигмы Отстранение у Клычкова значительно больше. Это связано, во-первых, с количественным фактором: разнообразие представленных подпарадигм в общей парадигме у Клычкова больше, у него в равной степени представлены подпарадигмы Смерть, Разлука и Странничество; во-вторых, само содержание подпарадигм этой парадигмы у Есенина несколько нивелировано (герой не выступает инициатором расставания, смерть не является препятствием для взаимодействия, а странничество только предполагается, выражается как намерение); в-третьих, ослабление парадигмы Отстранение у Есенина происходит ещё и за счёт связи с парадигмой Взаимодействие (воспоминаний о встрече с девушкой или о жизни, наполненной взаимоотношениями). Поэтому явление «вселенского одиночества» лирического героя Есенина [2] если и имеет место, то, по сравнению с героем Клычкова, оно не так угнетает и поглощает его личность. Для героя Клычкова это в большей степени «больная» тема: он говорит о ней чаще, разнообразнее, погружаясь только в неё и не противопоставляя ей ничего. Кроме того, тема отчуждения распространяется и на представленный героем окружающий мир: окружающие природные объекты в его поэтическом мире также оказываются относительно отстранёнными и не взаимодействующими друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилина М.Ю.. К проблеме эволюции образа лирического героя в ранней лирике С.А. Есенина // Омск. науч. вестн. – Омск, 2006. – Вып. 7 – С. 220-223.
2. Жилина М.Ю.. Проблема «отчуждения» лирического героя в контексте метасюжета. О судьбе поэта в лирике С.Есенина 1910-х годов// Омск. науч.вестн. – Омск, 2006. – Вып.8. – С.247-251.
3. Изумрудов Ю.А.. Лирика Сергея Клычкова: автореферат дис-ции на соиск. уч. ст. канд.-филол. наук. – Нижний Новгород, 1993. – 18 с.
4. Радашкевич А.. Смертельная сказка. О поэтическом мире Сергея Клычкова // Русская мысль (Париж), № 3590, 1985; URL: http://www.radashkevich.info/publicistika_59.html
5. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина. – Харьков, 1991. – 189 с.